

АНАЛИЗ КОНЕЧНЫЙ И БЕСКОНЕЧНЫЙ*

З.ФРЕЙД

Опыт учит нас, что психоаналитическая терапия – освобождение человека от его невротических симптомов, запретов и аномалий характера – требует много времени. Поэтому с самого начала предпринимались попытки сократить продолжительность анализа. Такие попытки не требовали особого обоснования; можно было заявить, что они основаны на очень веских доводах разумности и целесообразности. Но в них прослеживался и по-прежнему действовал тот род нетерпеливого высокомерия, с которым медицинская наука прежней эпохи относилась к неврозам как к неуместным последствиям невидимых повреждений. И если ей и приходилось уделять им внимание, то нужно было отделаться от них побыстрее.

Особенно энергичную попытку сокращения продолжительности анализа предпринял Отто Ранк в своей книге «Травма рождения» (1924). Он предположил, что действительный источник неврозов – это акт рождения, поскольку он включает возможность «первичной фиксации» ребенка на матери, впоследствии не преодоленной и сохраняющейся в форме «первичного вытеснения». Ранк надеялся, что если в последующем анализе будет проведена работа с этой травмой, то удастся избавиться от невроза в целом. Так один маленький кусочек аналитической работы избавит нас от необходимости делать все остальное. И для того, чтобы осуществить это, понадобится лишь несколько месяцев. Не спорим, аргументы Ранка были смелыми и остроумными; но они не выдержали испытания критикой. Более того, они были плодом своего времени, порожденным гнетущим контрастом между послевоенной бедностью Европы и «процветанием» Америки, и были созданы для приспособления темпа аналитической терапии к стремительности американской жизни. Мы мало что слышали о том, что дало применение плана Ранка к случаям

* Перевод с английского выполнен по изданию: *S.Freud (1937) Analysis Terminable and Interminable, Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, London: Hogarth Press (1950-74), vol.23, p.209-53.* Эта статья, как и ряд других работ Фрейда, войдет в сборник «Методика и техника психоанализа», который вскоре выйдет в издательстве «Независимая фирма «Класс».

заболеваний. Вероятно, не больше, чем действия пожарной команды, вызванной потушить дом, загоревшийся от упавшей керосиновой лампы, которая ограничила бы свои заботы удалением лампы из той комнаты, в которой начался пожар. Без сомнения, это существенно уменьшило бы работу пожарной команды. Теория и практика эксперимента Ранка сейчас принадлежат прошлому, как и само американское «процветание»¹.

Сам я применял другой способ ускорения аналитического лечения еще до войны. В то время я работал со случаем молодого русского, избалованного богатством, который приехал в Вену, будучи совершенно беспомощным, в сопровождении личного врача и слуги². В течение нескольких лет удалось вернуть ему большую часть его независимости, пробудить интерес к жизни и улучшить его отношения со значимыми для него людьми. Но на этом продвижение остановилось. Мы не двигались дальше в прояснении его детского невроза, на котором была основана позднейшая болезнь, и было очевидно, что пациент считал свое положение очень удобным и не проявлял желания сделать шаг вперед, приближающий его к окончанию лечения. Это был случай лечения, которое подавляло само себя: оно оказалось под угрозой провала из-за своего – частичного – успеха. В этом затруднительном положении я решился на героический шаг: зафиксировать временные границы анализа³. В начале года я сообщил пациенту, что этот год будет последним годом его лечения, независимо от того, чего он достигнет в это оставшееся ему время. В первый момент он не поверил мне, но когда убедился, что я полностью серьезен, желаемое изменение произошло. Его сопротивление отступило, и в эти последние месяцы лечения он смог воспроизвести все воспоминания и раскрыть все связи, необходимые для понимания его детского невроза и овладения нынешним. Когда он покинул меня в середине лета 1914г., мы едва ли подозревали, как и все вокруг нас, что должно было вот-вот случиться, и я считал, что его излечение было полным и окончательным.

В примечании, сделанном к описанию этого случая в 1923г.⁴, я уже сообщил, что я ошибся. Когда к концу войны он возвратился в Вену потерявшим имущество беженцем, мне пришлось помочь ему справиться с частью переноса, которая не была разрешена. Это было сделано за несколько месяцев, и я смог завершить свое примечание заявлением, что «с тех пор пациент чувствует себя нормально и не проявляет каких-то особенностей в поведении, несмотря на то, что война лишила его дома, имущества и семейных связей». Со времени этого заключения прошло шестнадцать лет, которые не опровергли его правильности, но

¹ [Это было написано вскоре после большого финансового кризиса в Соединенных Штатах. Критическое рассмотрение теории Ранка было сделано Фрейдом в «Запретах, симптомах и тревоге» (1926d). См. Standard Ed.; 20, 135-6 и 150-3.] Здесь и далее в квадратных скобках – примечания английского редактора.

² См. мою статью, опубликованную с согласия пациента, «Из истории инфантильного невроза» (1918b). Она не содержит детального описания взрослой болезни этого молодого человека, которая упоминается, только если этого настоятельно требует ее связь с инфантильным неврозом.

³ [См. Standard Ed., 17, 10-11.]

⁴ [Ibid, 121.]

необходимо сделать некоторые оговорки. Пациент остался в Вене, поддерживал положение в обществе, хотя и весьма скромное. Но несколько раз в течение этого периода хорошее состояние его здоровья нарушалось приступами болезни, которые можно было истолковать только как ответвления его неувядающего невроза. Благодаря мастерству одной из моих учениц, д-ра Руфь Мак Брансвик, краткий курс лечения каждый раз приводил к окончанию этих состояний. Я надеюсь, что д-р Мак Брансвик сама кратко расскажет об этих обстоятельствах⁵. Некоторые из этих приступов имели отношение к остаткам переноса; там, где это было так, они, хоть и были кратковременны, носили отчетливый параноидный характер. Однако при других приступах патогенный материал состоял из частиц детской истории пациента, которые не вышли на свет, когда я его анализировал, и которые теперь проявились – неизбежное сравнение – как шов после операции или небольшие кусочки омертвевшей кости. Я считаю историю выздоровления этого пациента едва ли менее интересной, чем историю его болезни.

Впоследствии я применял такое фиксирование даты окончания и в других случаях, а также использовал аналогичный опыт других аналитиков. Вывод, который можно сделать об этом приеме шантажа, один: он эффективен, если его применять в нужный момент. Но он не гарантирует выполнения той задачи, для которой он используется. Наоборот, мы можем быть уверены, что если часть материала под влиянием угрозы станет доступна, другая будет удержана и похоронена, как это и было раньше, и пропадет для лечения. Коль скоро аналитик зафиксировал сроки лечения, он не может увеличивать их; иначе пациент потеряет к нему доверие. Наиболее очевидным выходом для пациента было бы продолжить лечение с другим аналитиком, хотя мы знаем, что эта перемена приведет к новой потере времени и плодов уже проведенной работы. Невозможно установить какое-то общее правило, когда применять этот форсирующий технический прием; решение зависит от такта аналитика. Ошибку уже не поправишь. К этому случаю вполне применимо выражение: лев прыгает только один раз.

II

Обсуждение технической проблемы ускорения медленного темпа анализа приводит нас к другому, более интересному вопросу: существует ли естественное окончание анализа, существует ли вообще возможность привести анализ к такому завершению? Если судить по разговорам между аналитиками, то, кажется, это бывает, так как мы часто слышим, как они говорят, осуждая или извиняя известные недостатки умершего коллеги, что «его анализ не был завершен» или «он никогда не был проанализирован до конца».

⁵ [Ее отчет на самом деле уже появился за несколько лет до этого (*Brunswick*, 1928). За дальнейшей информацией о последующей истории этого случая обращайтесь к примечаниям редактора, Standard Ed;17, 122.] На русском языке подробные сведения о судьбе этого пациента содержатся в книге А.Эткинда «Эрос невозможного». С-Пб; 1993, с.97-129.

Сначала мы должны решить, что же имеется в виду под неоднозначным выражением «окончание анализа». С практической точки зрения ответить легко. Анализ заканчивается, когда аналитик и пациент перестают встречаться на аналитических сеансах. Это происходит, когда более или менее выполнены два условия: во-первых, пациент больше не страдает от своих симптомов, преодолел свои страхи и запреты; и, во-вторых, аналитик приходит к заключению, что осознано так много вытесненного материала, так много объяснено из того, что доступно пониманию, побеждено так много внутренних сопротивлений, что уже не нужно бояться повторения связанного с этим патологического процесса. Если внешние трудности препятствуют достижению этой цели, лучше говорить о *неполном* анализе, нежели о *незаконченном*.

Другое значение «конца» анализа гораздо более амбициозно. В этом его значении мы спрашиваем, оказал ли аналитик такое глубокое воздействие на пациента, что у того уже не произойдут никакие дальнейшие изменения, если анализ будет продолжен. Это аналогично тому, как если бы было возможно с помощью анализа выйти на уровень абсолютной психической нормальности, уровень, который, как мы должны быть уверены, останется стабильным, как если бы, к примеру, мы успешно преодолели все вытеснения пациента и заполнили все пробелы в его памяти. Обратимся вначале к нашему опыту, чтобы проверить, бывает ли такое, а затем перейдем к теории, чтобы узнать, существует ли такая *возможность*.

Каждому аналитику доводилось иметь дело с несколькими случаями, дававшими такой благодарный результат. Ему удалось добиться успеха в прояснении невротического нарушения пациента, и оно не возвратилось и не было замещено другим подобным нарушением. Есть у нас и некоторое понимание того, что обусловило эти успехи. В Эго пациента не было заметных искажений⁶, и этиология нарушения была преимущественно травматической. Ведь этиология любого нарушения является смешанной. Вопрос либо в том, что инстинкты слишком сильны и неподвластны приручению со стороны Эго, либо в том, что существуют последствия ранних (т.е. преждевременных) травм, с которыми незрелое Эго не способно справиться. Как правило, присутствует сочетание обоих факторов, конституциональных и случайных. Чем сильнее конституциональный фактор, тем скорее травма приведет к фиксации и оставит после себя нарушение в развитии; чем сильнее травма, тем скорее ее повреждающее действие проявится, даже если состояние инстинктивной сферы является нормальным. Несомненно, травматическая этиология открывает гораздо более благоприятное поле для анализа. Только если случай является преимущественно травматическим, анализ способен показать себя во всем своем блеске; только тогда он, благодаря укреплению Эго пациента, добьется успеха,

⁶ [Идея «искажений Эго» подробно обсуждается ниже, особенно в разделе V.]

заменяв неадекватное решение, принятое раньше, правильным. Только в таких случаях можно говорить, что анализ сделал все, что ему следовало, и не нуждается в продолжении. Правда, если у пациента, вылеченного таким образом, никогда больше не разовьются заболевания, требующие анализа, мы не узнаем, насколько его иммунитет обязан доброте судьбы, избавившей его от слишком суровых испытаний.

Конституциональная сила инстинктов и неблагоприятные изменения Эго, возникшие в его защитной борьбе, его искривленность и ограниченность – это факторы, пагубно влияющие на эффективность анализа и способные сделать его бесконечным. Есть искушение сделать первый фактор – силу инстинкта – ответственной и за возникновение второго – искажения Эго; но, кажется, последнее имеет свою собственную этиологию. И, конечно же, нужно признать, что в этих вопросах наши знания недостаточны. Они становятся объектами аналитического исследования только сейчас. Мне кажется, что в этой области интерес аналитиков получил неправильное направление. Вместо вопроса о том, как происходит излечение с помощью анализа (вопроса, который, как мне кажется, получил достаточное освещение), следует задать вопрос: каковы препятствия, стоящие на пути этого излечения.

Это приводит меня к двум проблемам, вытекающим непосредственно из аналитической практики, которые я собираюсь проиллюстрировать следующими примерами. Один человек, сам с большим успехом практиковавший анализ, пришел к выводу, что его отношения как с мужчинами, так и с женщинами – с мужчинами, которые были его соперниками, и с женщиной, которую он любил, – были, тем не менее, не свободны от невротических помех. Поэтому он решил сам пройти анализ у старшего коллеги⁷. Такое критическое освещение собственного Я принесло полный успех. Он женился на женщине, которую любил, и превратился в друга и учителя своих прежних конкурентов. Так прошло много лет, в течение которых его отношения с бывшим аналитиком оставались безоблачными. Но затем, без какой-либо явной внешней причины, произошло неприятное событие. Человек, прошедший анализ, стал в оппозицию к своему аналитику и обвинил его в том, что тот не смог провести его анализ полностью. Как он сказал, его аналитик должен был знать и принять в расчет тот факт, что трансферентные отношения никогда не могут быть чисто позитивными; он должен был уделить внимание возможности негативного переноса. Аналитик попытался защититься, сказав, что во время анализа не было признаков негативного переноса. Но даже если он и не разглядел каких-то его робких признаков, чего нельзя исключить, учитывая ограниченные возможности анализа в ту эпоху, все равно сомнительно, как он полагал, что ему удалось бы поднять эту тему (или, как бы мы сказали, «комплекс»), просто указав на нее, коль скоро в тот момент для самого пациента она не была актуальна. Чтобы ее

⁷ [Согласно Эрнсту Джонсу, Фрейд пишет о Ференци, которого он анализировал 3 недели в октябре 1914г. и еще 3 недели (2 сеанса в день) в июне 1916г.]

стимулировать, аналитику потребовалось бы совершить в реальности какой-то враждебный поступок. Более того, добавил аналитик, не всякие хорошие отношения между аналитиком и анализируемым во время и после анализа нужно рассматривать как перенос; там ведь были и дружеские отношения, основанные на реальности, которые доказали свою жизнеспособность.

Сейчас я перейду к моему второму примеру, поднимающему ту же проблему. Незамужняя женщина, уже немолодая, с пубертатного периода была отрезана от жизни неспособностью ходить из-за сильных болей в ногах. Ее состояние было явно истерическим по происхождению, и оно не поддавалось ни одному из многочисленных видов лечения. Анализ, длившийся 3/4 года, устранил недуг и вернул пациентке, приятной и достойной женщине, право участвовать в жизни. После выздоровления ей постоянно не везло. Это были раздоры в семье, финансовые потери, кроме того, с возрастом она потеряла всякую надежду найти счастье и выйти замуж. Но, несмотря на инвалидность в прошлом, она доблестно противостояла всему и была поддержкой для семьи в трудные времена. Не помню точно, через двенадцать или четырнадцать лет после окончания анализа она должна была пройти гинекологическое обследование из-за кровотечений. У нее была обнаружена миома и рекомендовано удаление матки. После этой операции женщина снова заболела. Она влюбилась в своего хирурга, витала в мазохистских фантазиях о страшных изменениях внутри ее тела – фантазиях, которыми она маскировала свой роман, – и была недоступна для новой попытки анализа. Она осталась ненормальной до конца своей жизни. Аналитическое лечение имело место так давно, что мы не можем ожидать от него слишком многого; это было в первые годы моей работы как аналитика. Несомненно, повторная болезнь исходила из того же самого источника, что и первая, которая была успешно преодолена: это могло быть иным проявлением тех же самых вытесненных импульсов, которые анализ не разрешил до конца. Но я склонен думать, что если бы не новая травма, то не было бы и нового приступа невроза.

Эти два примера, специально выбранные из большого количества похожих, призваны начать обсуждение рассматриваемых нами вопросов. Скептик, оптимист и амбициозный человек могли бы смотреть на это по-разному. Первый сказал бы, что это доказывает, что долгое успешное аналитическое лечение не защищает пациента, который был тогда вылечен, от заболевания затем другим неврозом или даже неврозом, имеющим те же самые инстинктивные корни, – иначе говоря, от повторения прежней болезни. Другие сказали бы, что это не так. Они бы возразили, что эти два примера датированы начальным периодом психоанализа, двадцать и тридцать лет назад соответственно; что с тех пор мы приобрели более глубокое понимание и более обширные знания, и что наша техника изменилась в соответствии с нашими новыми открытиями. Сегодня, сказали бы они, мы можем требовать и ожидать, что

аналитическое лечение окажется окончательным, или, по крайней мере, если пациент заболит снова, его новая болезнь не будет оживлением прежних инстинктивных нарушений, проявившихся в новой форме. Наш опыт, продолжили бы они, не обязывает нас так искусственно ограничивать требования, которые мы можем предъявлять к терапевтическим методам.

Я выбрал эти два примера потому, что они принадлежат давнему прошлому.

Очевидно, что чем более недавним является успешный результат анализа, тем менее

пригоден он для нашего обсуждения, потому что у нас нет средств предсказать, какова будет дальнейшая судьба выздоровевшего. Ожидания оптимиста прямо подразумевают несколько вещей, которые не являются самоочевидными. Они подразумевают, во-первых, что можно все время работать с одним и тем же инстинктивным конфликтом (или, точнее, с конфликтом между Эго и инстинктом); во-вторых, что пока мы лечим кого-то от одного инстинктивного конфликта, мы делаем ему прививку от возможности любых подобных конфликтов; и, в-третьих, что у нас есть власть в целях профилактики пробуждать те патогенные конфликты, которые не проявляются в данный момент, и что это следует делать. Я оставляю эти вопросы, не отвечая на них сейчас. Не исключено, что сейчас и невозможно дать на них какой-либо определенный ответ.

Вероятно, их можно слегка прояснить, если обратиться к теоретическим соображениям. Но нам уже ясно и другое: если мы хотим выполнить наиболее строгие требования, предъявляемые к аналитической терапии, наш путь не приведет к сокращению ее продолжительности.

III

Аналитический опыт, который сейчас составляет несколько десятилетий, и изменения, которые произошли в том, чем и как я занимаюсь, дали мне возможность попробовать ответить на стоящие перед нами вопросы. В первые годы работы я лечил многих пациентов, которые, естественно, хотели, чтобы работа с ними была завершена как можно быстрее. В последние годы я, в основном, проводил учебные анализы; у меня осталось относительно небольшое число случаев тяжелых заболеваний, требующих продолжительного лечения, которые, однако, прерывались на более или менее долгое или короткое время. В работе с ними терапевтическая цель была уже другой. Уже не вставал вопрос о сокращении лечения; задача была в том, чтобы полностью исчерпать возможности болезни у этих пациентов и привести к глубоким изменениям в их личности.

Из трех факторов, которые, как мы определили, являются решающими для успеха или неудачи аналитического лечения – воздействия травм, конституциональной силы инстинктов и искажений Эго – нас здесь интересует лишь второе, сила инстинктов. Минутное размышление

пробуждает сомнения, является ли сужающее использование прилагательного «конституциональная» (или «врожденная») отражающим суть вопроса: каким бы правильным не было то, что конституциональный фактор имеет решающее значение с самого начала, тем не менее, вполне возможно, что усиление инстинктов в последующей жизни приводит к тем же результатам. Если это так, нам следует модифицировать нашу формулу и говорить о «силе инстинктов *в данный момент*», а не о «конституциональной силе инстинктов». Первый наш вопрос был: «Можно ли средствами аналитической терапии полностью и окончательно устранить конфликт между инстинктом и Эго или патогенным инстинктивным требованием к Эго?» Возможно, чтобы избежать неправильного понимания, нелишне было бы более точно объяснить, что мы имеем в виду под «окончательным устранением инстинктивного требования». Конечно же, не «исчезновение этого требования так, чтобы о нем больше ничего не было слышно». Полностью это невозможно и совсем не желательно. Нет, мы имеем в виду нечто другое, нечто, что можно грубо обозначить как «приручение»⁸ инстинкта. Иными словами, инстинкт приводится в полную гармонию с Эго, становится доступным для влияний со стороны других склонностей Эго и больше не ищет своего независимого пути к удовлетворению. Если нас спросят, какими методами и средствами достигается этот результат, будет нелегко найти ответ. Мы только можем сказать: «*So muss denn doch die Hexe dran!*»⁹ – это метапсихология ведьм. Без метапсихологических спекуляций и теоретизирования – я почти сказал «фантазирования» – мы не сделаем следующего шага. К несчастью, здесь, как и везде, в том, что открывает ведьма, нет ни ясности, ни деталей. Для начала у нас есть только один ключ – хотя это и ключ наивысшей ценности – а именно противоположность между первичными и вторичными процессами; и к этой противоположности я сейчас собираюсь обратиться.

Если теперь мы еще раз поднимем наш первый вопрос, мы обнаружим, что наш новый подход неизбежно приведет нас к определенному заключению. Вопрос состоял в том, можно ли полностью и окончательно устранить инстинктивный конфликт – то есть «приручить» инстинктивное требование таким образом. Сформулированный в таких терминах, этот вопрос совсем не упоминает о силе инстинкта; но от нее зависит результат. Давайте начнем с предположения, что всего, что анализ дает невротикам, нормальные люди достигают без его помощи. Однако повседневный опыт учит нас, что у нормального человека любые решения инстинктивного конфликта хороши лишь для определенной силы

⁸ [«Bandigung». Фрейд, кроме прочего, использовал это слово в «Экономической проблеме мазохизма» (1924с), чтобы описать действие, которое может проделать либидо для того, чтобы сделать инстинкт смерти безвредным. Намного раньше в разделе 3, части III «Проекта» 1895г. он использовал его для обозначения процесса, посредством которого воспоминания перестают нести аффект, благодаря вмешательству Эго (*Freud, 1950a*), Standard Ed., 19, 164.]

⁹ [«Наш последний шанс – позвать на помощь ведьму!» Гете, «Фауст», ч.1, сцена 6. Фауст в поисках секрета молодости невольно призывает на помощь ведьму.]

инстинкта, или, точнее, лишь для определенного соотношения между силой инстинкта и силой Эго¹⁰. Если сила Эго уменьшается от болезни или утомления или другой подобной причины, все инстинкты, которые до этого были успешно приручены, могут возобновить свои требования и устремиться к получению удовлетворений-замен в аномальной форме¹¹. Неопровержимым доказательством этого утверждения являются наши ночные сновидения; они реагируют на установку ко сну, принятую Эго, пробуждением инстинктивных потребностей.

Материал другого рода [сила инстинктов] также недвусмыслен. Дважды в течение индивидуального развития определенные инстинкты существенно усиливаются: в пубертате и, у женщин, в менопаузе. Мы, по крайней мере, не удивляемся, если человек, который не был невротиком прежде, становится таковым в эти периоды. Когда его инстинкты не так сильны, он успешно приручает их; но когда они усиливаются, он уже не может этого делать. Вытеснение ведет себя как дамба под напором воды. Те же самые результаты, к которым приводят эти два физиологических усиления инстинктов, могут возникать непредсказуемо по случайным причинам в другие периоды жизни. Такие усиления могут запускаться свежими травмами, вынужденными фрустрациями или дополнительным влиянием инстинктов друг на друга. Результат всегда тот же самый, и он подчеркивает необоримую силу количественного фактора в этиологии заболеваний.

Я чувствую себя так, как будто должен стыдиться такого скучного изложения, учитывая, что все, что я сказал, уже давно известно и самоочевидно. Действительно, мы всегда вели себя так, как будто мы знали все это; но наши теоретические концепции не уделяли того же внимания *экономической* точке зрения, как они это делали по отношению к *динамической* и *топографической* точкам зрения. Моим извинением сейчас служит то, что я привлекаю внимание к этому пренебрежению¹². Однако прежде, чем ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть возражение, сила которого состоит в том, что мы, по всей вероятности, предрасположены в его пользу. Нужно сказать, что наши аргументы вытекают из процессов, спонтанно происходящих между Эго и инстинктами, и подразумевают, что аналитическая терапия не может сделать ничего, что при благоприятных и нормальных условиях не возникло бы само собой. Но действительно ли это так? Не заявляет ли как раз наша теория, что анализ создает состояние, которое никогда

¹⁰ Или, если быть совершенно точным, для определенных пределов, в которых находится это соотношение.

¹¹ Здесь мы находим оправдания заявлениям об этиологической значимости таких неспецифических факторов, как переутомление на работе, сильное потрясение и т.д. Эти факторы всегда в общем признавались, но были отодвинуты психоанализом на задний план. Невозможно определить здоровье иначе, чем метапсихологическими терминами: т.е. отсылкой к динамическим соотношениям между инстанциями психического аппарата, которые были обнаружены – или, если хотите, введены или предположены – нами. [Первоначальную недооценку Фрейдом этиологического значения для неврозов таких факторов, как «переутомление на работе», можно найти еще в черновике А в бумагах Флисса, датированных, вероятно, 1892г. (1950a, Standard Ed., 1).

¹² [Та же линия аргументации ясно прослеживается в менее техническом изложении в гл. VII «Вопроса о непрофессиональном анализе» (1926c), Standard Ed., 20, 241-3.]

спонтанно не возникает в Эго, и что это заново созданное состояние определяет главное различие между тем, кто был проанализирован, и тем, кто не был? Напомним, на чем основано такое заявление. Все вытеснения происходят в раннем детстве; это примитивные защитные меры, предпринимаемые незрелым, слабым Эго. В последующие годы новые вытеснения не возникают; но старые продолжают существовать, и выполняемые ими функции продолжают использоваться Эго для овладения инстинктами. Новые конфликты устраняются тем, что мы называем «после-вытеснением»¹³. Мы можем применить к этим инфантильным вытеснениям наше общее высказывание, что вытеснения целиком и полностью зависят от относительной мощи участвующих в них сил и что они не могут выдержать увеличения силы инстинктов. Однако анализ позволяет Эго, которое приобретает большую зрелость и силу, пересмотреть эти старые вытеснения; некоторые из них разрушаются, в то время как остальные признаются и одобряются, но конструируются заново из более прочного материала. Эти новые дамбы имеют качественно иную твердость по сравнению с прежними; мы можем быть уверены, что они не уступят так легко под растущим напором силы инстинктов. Таким образом, действительным достижением аналитической терапии будет происходящее в результате исправление первоначального процесса вытеснения, исправление, которое ставит предел преобладанию количественного фактора.

Такова наша теория, от которой мы не можем отказаться без сильного принуждения. А что говорит нам об этом наш *опыт*? Возможно, наш опыт недостаточно обширен, чтобы прийти к определенному заключению. Он подтверждает наши ожидания довольно часто, но не всегда. Возникает впечатление, что будет не так уж удивительно, если в конце концов окажется, что разница между поведением человека, который не проходил анализа, и человека, прошедшего анализ, не так уж радикальна по сравнению с тем, к чему мы стремились, чего ожидали и что поддерживали. Если это так, это может означать, что анализ *иногда* достигает успеха в уменьшении влияния инстинктов, но не наверняка, или что результат анализа ограничивается ростом силы сопротивления со стороны запретов, так что они могут уравнивать гораздо большие требования, чем до анализа или чем если бы анализа не было. Я, действительно, не могу прийти к решению по этому вопросу, не знаю также, возможно ли это решение в настоящее время.

Однако существует возможность подойти к проблеме variability результатов анализа под другим углом. Мы знаем, что первым шагом в интеллектуальном освоении окружающей нас среды является выделение обобщений, правил и законов, которые приносят порядок в хаос. Делая это, мы упрощаем мир явлений; но мы не можем избежать его фальсификации, особенно если мы имеем дело с процессами развития и

¹³ [«Nachverdrangung». См. метапсихологическую статью «Вытеснение» (1912d), Standard Ed.; 14, 148, где, как и везде в этот период, используется термин «Nachdrängen», переводимый как «после-подавление».]

изменения. Мы обычно озабочены поисками *качественных* особенностей и, как правило, игнорируем при этом *количественный* фактор. В реальном мире переходные и промежуточные состояния гораздо более распространены, чем четко дифференцированные противоположные состояния. В исследованиях развития и изменения мы направляем внимание исключительно на результат; мы охотно опускаем тот факт, что эти процессы обычно более или менее незакончены, т.е., что на самом деле это только частичные изменения. Тонкий сатирик старой Австрии Иоганн Нестрой¹⁴ когда-то сказал: «Каждый шаг вперед равен только половине того, каким он казался вначале». Есть искушение приписать этому злему афоризму всеобщую значимость. Почти всегда существуют остаточные явления, частичные откаты назад. Когда щедрый Меценат удивляет нас своей скаредностью в каком-то определенном вопросе, или когда человек, который всегда очень добр, позволяет себе удовольствие проявить враждебность, такие «остаточные явления» не представляют интереса для генетического исследования. Они показывают нам, что эти достойные уважения и ценные качества основаны на компенсации и сверхкомпенсации, которые, как и ожидалось, не являются целиком и полностью успешными. Наш первый подход к пониманию развития либидо состоял в том, что первоначальная оральная фаза уступала место садистко-анальной фазе, а та, в свою очередь, сменялась фаллически-генитальной. Последующее не противоречило этому взгляду, но корректировало его добавлением, что эти перемены происходят не внезапно, а постепенно, так что части более ранней организации всегда остаются, наряду с более новыми, и даже в нормальном развитии превращение никогда не полно, и остатки более ранних либидозных фиксаций могут так и сохраниться в окончательной конфигурации. То же самое можно увидеть и в других областях. Из всех ошибочных и отсталых взглядов человечества, которые, казалось, были преодолены, лишь немногих таких, остатки которых не существовали бы и сегодня в низших слоях культурного общества. То, что однажды родилось, крепко цепляется за свое существование. Можно порой сомневаться, действительно ли вымерли драконы первобытных времен.

Применяя эти замечания к рассматриваемой нами проблеме, можно сказать, что ответ на вопрос, как объяснить вариации в результатах аналитической терапии, заключается в том, что мы в попытке заменить ненадежные вытеснения на надежный Эго-синтонный контроль также не всегда достигаем нашей цели полностью или делаем это не совсем основательно. Превращение достигнуто, но нередко только частично: фрагменты старых механизмов остаются незатронутыми работой анализа. Трудно доказать, что это действительно так, поскольку у нас нет другого способа судить о том, что произошло, кроме результата, который мы и пытаемся объяснить. Тем не менее, впечатления, которые возникают во

¹⁴ [Фрейд цитирует то же самое замечание в «Вопросе о непрофессиональном анализе» (1926e). Standard Ed., 20, 193.]

время аналитической работы, не противоречат этому предположению; наоборот, они, скорее, подтверждают его. Но мы не должны использовать ясность нашего собственного понимания для измерения убеждения, которое мы дали пациенту. Его убеждение может быть недостаточно «глубоким», как кто-то может сказать; оно всегда является количественным фактором,

который так легко недооценивается. Если это правильный ответ на наш вопрос, то мы можем сказать, что анализ, заявляя, что он излечивает неврозы, посредством усиления контроля над инстинктами, всегда прав в теории, но не всегда на практике. И это так, потому что он не всегда успешен в достаточном укреплении основ, на которых базируется контроль за инстинктами. Случаи такого частичного провала легко обнаружить. В прошлом количественный фактор инстинктивной силы противостоял защитным усилиям Эго; по этой причине мы призывали на помощь аналитическую работу; а сейчас тот же самый фактор ставит предел эффективности этой новой работы. Если сила инстинктов чрезмерна, зрелое Эго, поддержанное анализом, терпит неудачу так же, как и беспомощное Эго раньше. Эго контроль над инстинктами улучшается, но остается несовершенным, поскольку трансформация защитных механизмов не является полной. Нет ничего удивительного в том, что, поскольку сила инструментов, которыми оперирует анализ, не беспредельна, а ограничена, окончательный исход всегда зависит от относительной силы психических инстанций, которые борются друг с другом.

Нет сомнений в том, что было бы желательно сократить продолжительность аналитического лечения, но мы можем достигнуть нашей терапевтической цели, только усиливая мощь анализа, идущего на помощь к Эго. Гипнотическое воздействие казалось прекрасным инструментом для наших целей; но причины, по которым мы отказались от него, хорошо известны. Никакой замены гипнозу пока не найдено. Исходя из этой точки зрения, мы можем понять, почему такой мастер анализа, как Ференци, посвятил последние годы своей жизни терапевтическим экспериментам, которые, к несчастью, оказались тщетными.

IV

Два следующих вопроса – можем ли мы, излечивая один инстинктивный конфликт, защитить пациента от других – будущих – конфликтов, и можно ли и оправданно ли с профилактической целью пробудить конфликт, который в данный момент не проявляется, – нужно рассматривать вместе; так как очевидно, что первая задача может быть выполнена, только если исполнена вторая, т.е. если возможный будущий конфликт превратился в настоящий, воздействие которого нужно вынести. Этот новый способ представления проблемы в своей основе только продолжение предыдущего. Если в первом случае мы рассматривали то, как бороться с возвратом прежнего конфликта, теперь мы рассматриваем,

как бороться с замещением его *другим* конфликтом. Это звучит как очень амбициозное заявление, но все, что мы пытаемся сделать, – это прояснить, какие пределы поставлены действенности аналитической терапии.

Как бы ни было велико искушение для наших терапевтических амбиций принять эту задачу, опыт категорически отвергает это предложение. Если инстинктивный конфликт не является в данный момент активным, не проявляет себя, мы не можем воздействовать на него даже с помощью анализа. Предупреждение о том, что не следует будить спящую собаку (дразнить гусей), которое мы так часто слышали в связи с нашими усилиями по исследованию глубинного мира психики, совершенно неуместно, когда оно прикладывается к условиям душевной жизни. Потому что если инстинкты вызвали нарушения, это доказательство того, что собака не спит; а если оказывается, что инстинкты действительно спят, не в нашей власти пробудить их. Однако это последнее замечание не является, по-видимому, до конца точным и требует более детального обсуждения. Давайте рассмотрим, какие средства есть у нас в

распоряжении для превращения латентного в данный момент инстинктивного конфликта в активный. Очевидно, есть лишь две вещи, которые мы можем сделать. Мы можем создать ситуации, в которых конфликт активизируется, или заняться обсуждением этого в анализе и указать на возможность пробуждения. Первая из этих альтернатив может быть осуществлена двумя способами: в реальности и в переносе, что в любом случае заставляет пациента реально страдать вследствие фрустрации и сдерживания либидо. Сейчас мы действительно уже используем технику такого рода в обычной аналитической процедуре. Что же иначе означает правило, что анализ должен выполняться «в состоянии фрустрации»?¹⁵ Но это техника, которую мы используем в обращении с уже активным конфликтом. Мы стараемся обострить этот конфликт, довести его до высшей точки для увеличения инстинктивных сил, требующихся для его разрешения. Аналитический опыт научил нас, что лучшее всегда враг хорошего¹⁶, и что на каждой стадии выздоровления пациента мы должны бороться с его инерцией, которая может удовлетвориться неполным разрешением.

Однако если мы рассчитываем на профилактическое лечение инстинктивных конфликтов, которые не являются активными, а существуют лишь потенциально, недостаточно только регулировать страдания, которые уже есть у пациента и которых он не может избежать. Мы должны изловчиться так, чтобы спровоцировать у него свежие страдания; а это мы до нынешнего времени предоставляли судьбе. Со всех сторон нас будут предостерегать от того, чтобы соперничать с судьбой и подвергать несчастные человеческие создания таким жестоким экспериментам. И что это будут за эксперименты? Можем ли мы с профилактическими целями

¹⁵ [См. статью о «Переносе-любви» (1915a), Standard Ed., 12, 165 и доклад на Будапештском конгрессе (1919a), *ibid*, 17, 162 ff.]

¹⁶ [Французская пословица: «Le mieux est l'ennemi du bien».]

взять на себя ответственность за разрушение благополучного брака, или заставить пациента отказаться от должности, от которой зависит его существование? К счастью, мы никогда не занимались оценкой оправданности такого вторжения в реальную жизнь пациента; мы не обладаем неограниченной властью, необходимой для этого, да и предмет наших терапевтических экспериментов, несомненно, откажется с нами сотрудничать. Таким образом, на практике эта процедура фактически исключена; но существуют, кроме того, теоретические возражения против нее, связанные с тем, что аналитическая работа продвигается лучше, если патогенный опыт пациента принадлежит прошлому, так что Эго может дистанцироваться от него. В состояниях острого кризиса анализ с любыми целями неприменим. Весь интерес Эго захвачен болезненной реальностью, и оно оторвано от анализа, который пытается идти вглубь и раскрывать влияние прошлого. Поэтому создание свежего конфликта означает лишь затруднение и удлинение аналитической работы.

Можно возразить, что эти замечания совсем не являются необходимыми. Никто не думает о сознательном вызывании новых ситуаций страдания, чтобы сделать возможным лечение латентных инстинктивных конфликтов. Этим не особенно похваешься как профилактическим достижением. Мы, например, знаем, что больной, выздоровевший от скарлатины, имеет иммунитет против возвращения той же болезни; но докторам никогда не придет в голову взять здорового человека и заразить его скарлатиной, чтобы создать у него иммунитет против нее. Защитная мера не должна создавать такую же опасную ситуацию, как сама болезнь, разве только что-то гораздо более легкое, как в случае прививания от оспы и во многих других сходных процедурах. Поэтому в аналитической профилактике против инстинктивных

конфликтов могут рассматриваться только те два других метода, которые мы упоминали: искусственное вызывание новых конфликтов в переносе (конфликтов, которые, кроме всего прочего, не имеют характера реальности), и пробуждение таких конфликтов в воображении пациента путем разговора с ним об этом и ознакомления его с возможностью их возникновения.

Я не знаю, можем ли мы утверждать, что первая из этих двух более мягких процедур полностью исключена в анализе. Никаких экспериментов в этом конкретном направлении не делалось. Однако сразу же возникают затруднения, которые заставляют смотреть на это предприятие как на не слишком обещающее. Во-первых, выбор таких ситуаций переноса очень ограничен. Пациенты не могут сами внести все свои конфликты в перенос; аналитик также не может вызвать все возможные инстинктивные конфликты в ситуации переноса. Он может заставить пациентов ревновать или вызвать у них переживание разочарования в любви; но никакой технической цели для того, чтобы осуществить это, не нужно. Такие события происходят сами по себе, всегда и в большинстве анализов. Во-вторых, мы не должны упускать из

виду тот факт, что все меры такого рода обязывают аналитика вести себя недружелюбно по отношению к пациенту, а это наносит вред отношению привязанности – позитивному переносу, который является самым сильным мотивом, побуждающим пациента принимать участие в совместной работе анализа. Так что мы ни в коем случае не можем ожидать многого от этой процедуры.

Следовательно, все это оставляет нам только один метод – по всей вероятности, тот самый, который первоначально предлагался нами. Мы говорим пациенту о возможности других инстинктивных конфликтов и пробуждаем в нем ожидания, что эти конфликты могут возникнуть и у него. Мы надеемся на то, что эта информация и это предупреждение будут иметь своим результатом активизацию у него одного из обозначенных нами конфликтов в умеренной, но достаточной для лечения степени. Но в данном случае ожидаемый результат не достигается. Пациент слышит наше сообщение, но оно не вызывает ответа. Он может подумать про себя: «Это очень интересно, но я этого совсем не чувствую». Мы расширили его знания, но больше ничего в нем не изменили. Ситуация совсем такая же, как в случае чтения психоаналитических сочинений. Читатель стимулируется только теми абзацами, которые он чувствует подходящими к себе, – то есть теми, которые касаются конфликтов, активных у него в данный момент. Все остальное оставляет его холодным. Я полагаю, мы можем получить аналогичный опыт, занимаясь сексуальным просвещением детей. Я далек от мысли, что это вредно или не нужно делать, но ясно, что профилактический эффект этой либеральной меры очень переоценивается. После такого просвещения дети узнают что-то, что они не знали раньше, но это преподнесенное им знание никак не используется ими. Мы можем видеть, что они не так уж спешат пожертвовать ради этого нового знания сексуальными теориями, которые можно описать как признаки естественного роста и которые были созданы ими в гармонии и связи с их несовершенной либидозной организацией, теориями о роли, играемой аистом, о природе полового акта и о том, откуда берутся дети. В течение длительного времени после того, как они получили половое просвещение, они ведут себя как примитивные расы, которые внешне приняли христианство, но продолжают втайне поклоняться своим старым идолам¹⁷.

V

Мы начали с вопроса о том, как мы можем сократить неудобно долгую продолжительность аналитического лечения и, по-прежнему держа в уме этот вопрос времени, мы продолжали рассматривать возможность достижения окончательного излечения или даже предупреждения будущей болезни с помощью профилактического лечения. При этом мы обнаружили, что факторы, имеющие решающее

¹⁷ [Эти размышления Фрейда о сексуальном просвещении детей можно сравнить с его менее искушенными размышлениями в более ранней работе по этому вопросу (1907c).]

значение для успеха наших терапевтических усилий, – это воздействие травматической этиологии, относительная сила инстинктов, которые нужно контролировать, и нечто, что мы выше назвали искажениями Эго. Только второй из этих факторов обсуждался нами сколько-нибудь детально, и в связи с этим у нас был случай оценить важное значение количественного фактора и подчеркнуть, что нужно принимать в расчет требования метапсихологического подхода при любой попытке объяснения.

Что касается третьего фактора, искажений Эго, то мы пока не сказали о нем ничего. Если мы обратим на него внимание, наше первое впечатление будет состоять в том, что здесь можно о многом спросить и многое ответить, но все, что мы можем сказать об этом, совершенно недостаточно. Это первое впечатление подтвердится, когда мы углубимся в проблему дальше: как хорошо известно, аналитическая ситуация состоит в том, что мы вступаем в союз с Эго человека, проходящего лечение, чтобы подчинить части его Ид, которые не контролируются им, то есть включить их в синтез его Эго. Тот факт, что это сотрудничество обычно не удается в случае психотиков, позволяет нам найти первую твердую опору для рассуждений. Эго, если мы хотим заключить с ним такой союз, должно быть нормальным. Но нормальное Эго такого рода так же, как и нормальность в целом, является идеальным вымыслом. Аномальное Эго, которое не может служить нашим целям, к сожалению, вымыслом не является. Каждый нормальный человек на самом деле нормален лишь отчасти. Эго Эго приближается в большей или меньшей степени к Эго психотика; степень его удаленности от одного полюса шкалы и его близости к другому обеспечивает нас временным средством измерения того, что мы так неопределенно назвали «искажениями Эго».

Если мы зададим вопрос, в чем источник такого огромного разнообразия видов и степеней искажений Эго, нам не удастся избежать первой очевидной альтернативы, что эти отклонения или врожденные, или приобретенные. Вторые легче поддаются лечению. Если они являются приобретенными, то они, безусловно, были приобретены в ходе развития, начиная с первых лет жизни. Эго должно с самого начала стараться выполнить свою задачу посредничества между Ид и внешним миром, обслуживая принцип удовольствия и защищая Ид от опасностей внешнего мира. Если в ходе этой работы Эго научается занимать защитную позицию по отношению к собственному Ид и относиться к возникающим инстинктивным потребностям как к внешним опасностям, то это вызвано, по крайней мере, частично, пониманием, что удовлетворение инстинктов приведет к конфликту с внешним миром. Затем под влиянием воспитания Эго приучается переносить арену борьбы извне внутрь и овладевать *внутренней* опасностью до того, как она превратилась во *внешнюю*; и, вероятно, Эго обычно делает это правильно. Во время этой борьбы на два

фронта (позже появится еще и третий фронт¹⁸) Эго пользуется многими процедурами для выполнения своей задачи, суть которой – избежать опасности, тревоги и недовольствия. Мы называем эти процедуры «механизмами защиты». Наше знание о них еще неполно. Книга Анны Фрейд (1936) дает нам первое понимание их многообразия и многостороннего значения.

Именно с одного из этих механизмов, вытеснения, началось исследование невротических процессов в целом. Никогда не возникало ни малейшего сомнения, что вытеснение – только одна из процедур, которые Эго может применять для своих целей. Тем не менее, вытеснение стоит особняком и в большей степени отличается от остальных защитных механизмов, чем каждый из них от любого другого. Я хотел бы показать это его отношение к другим механизмам посредством аналогии, хотя и знаю, что в этой области аналогии дают не слишком много. Давайте представим, что могло бы произойти с книгой во времена, когда книги не издавались целыми тиражами, а переписывались по одной. Мы предположим, что книга такого рода содержала в себе высказывания, которые позже стали восприниматься как нежелательные. Например, согласно Роберту Эйслеру (1929), сочинения Иосифа Флавия должны были содержать в себе пассажи об Иисусе Христе, которые были оскорбительны для позднейшего христианства. В наши дни единственным защитным механизмом, который остается в распоряжении официальной цензуры, является конфискация и уничтожение каждого экземпляра всего издания. Однако в те времена для того, чтобы сделать книгу безвредной, использовались другие способы. Один из них – это замазать нежелательные высказывания так, чтобы они стали неразборчивыми. В этом случае их нельзя переписать, и следующий переписчик этой книги воспроизводит текст, не вызывающий возражений, но с пробелами в некоторых местах, и поэтому, вероятно, непонятный в этих местах. Другой способ – если власти не удовлетворены этим, но хотят также уничтожить всякое упоминание о том, что текст был изуродован, – это внести искажения в текст. Отдельные слова выкидываются или заменяются другими, вставляются новые предложения. Лучше всего, если стирается целый раздел, а на его место вписывается что-то прямо противоположное. Следующий переписчик затем может скопировать текст, который уже не вызывает подозрений, но который был сфальсифицирован. Он больше не содержит того, что хотел сказать автор; и весьма вероятно, что исправления были сделаны не в пользу правды.

Если не следовать этой аналогии слишком буквально, то можно сказать, что вытеснение имеет такое же отношение к другим способам защиты, какое имеют пропуски к искажению текста, и мы можем обнаружить в различных формах этой фальсификации параллели тому многообразию способов, которыми может быть искажено Эго. Можно

¹⁸ [Косвенный намек на Супер-Эго.]

сделать попытку возразить, что аналогия неверна в самом важном пункте, так как искажение текста – это работа тенденциозной цензуры, которой ничто не соответствует в развитии Эго. Но это не так, поскольку тенденциозные цели такого рода во многом представлены неодолимыми силами принципа удовольствия. Психический аппарат не терпит неудовольствия; он хочет избавиться от него любой ценой, и если восприятие реальности вызывает неудовольствие, этим восприятием (то есть правдой) надо пожертвовать. Что касается внешних угроз, то индивид может помочь себе, либо убежав, либо избегая ситуации опасности, пока он не станет силен настолько, чтобы затем устранить угрозу, активно изменяя реальность. Но от себя не убежишь; бегство не поможет при внутренних опасностях. И по этой причине защитные механизмы Эго призваны фальсифицировать внутреннее восприятие и давать человеку только неполное и искаженное изображение его Ид. Поэтому в своих отношениях с Ид Эго парализовано ограничениями или ослеплено ошибками; и результат этого в сфере психических событий можно сравнить только с тем, как если бы кто-то вышел на прогулку за город, не зная, куда идти, и не владея своими ногами.

Механизмы защиты служат задаче устранения опасностей. Не подлежит обсуждению, что они достигают в этом успеха; и вызывает сомнения то, что Эго могло бы обойтись без них во время своего развития. Но несомненно и то, что они сами могут становиться опасными. Иногда выходит так, что Эго платит слишком высокую цену за оказываемые ими услуги. Динамические издержки, необходимые для их поддержания, и ограничения, которые они почти всегда накладывают на Эго, оказываются тяжким бременем для психической экономики. Более того, эти механизмы не исчезают после того, как они оказали помощь Эго в трудные годы его развития. Никто из нас, конечно же, не пользуется всеми возможными механизмами защиты. Каждый использует лишь определенный набор их, зафиксированный в его Эго. Он (этот набор) становится постоянным способом реагирования, присущим характеру человека, который повторяется всю его жизнь, как только возникшая ситуация начинает напоминать исходную. Он превращается в инфантилизм и разделяет судьбы многих установлений, которые сохраняют свое существование после того, как польза от них исчезла. «Vernunft wird Unsinn, Wohltat Plage», – как жалуется поэт¹⁹. Эго взрослого человека с его возросшей силой продолжает защищать себя от опасностей, которые больше не существуют в реальности; более того, оно заставляет себя отыскивать такие ситуации в реальности, которые могли бы приблизительно заменить первоначальную опасность, чтобы можно было оправдать в отношении их поддержание привычных способов реагирования. Таким образом, мы можем легко понять, как защитные механизмы, создавая еще большее отчуждение от внешнего мира и постоянно ослабляя Эго, прокладывают

¹⁹ [«Разум становится безумием, доброта причиняет боль». Гете, «Фауст», часть 1, сцена 4.]

дорогу и помогают возникновению невроза.

Однако в данный момент нас не интересует патогенная роль защитных механизмов. Мы пытаемся обнаружить то влияние, которое искажения Эго, соответствующие им, оказывают на нашу терапевтическую работу. Материал для ответа на этот вопрос содержится в книге Анны Фрейд, на которую я уже ссылался. Главное состоит в том, что пациент повторяет эти способы реагирования также и во время аналитической работы, он осуществляет их на наших глазах. На самом деле только так мы и узнаем о них. Это не означает, что они делают анализ невозможным. Наоборот, они составляют половину нашей аналитической задачи. Другая половина, над которой бился анализ в свой начальный период, это обнаружение того, что спрятано в Ид. Во время лечения наша терапевтическая работа раскачивается, как маятник, из стороны в сторону между фрагментами Ид-анализа и фрагментами Эго-анализа. В одном случае мы стараемся сделать осознанной какую-то часть Ид, в другом – что-то исправить в Эго. Загвоздка в том, что защитные механизмы, направленные против прошлых опасностей, повторяются в лечении в виде *сопротивления* выздоровлению. Из этого следует, что Эго относится к выздоровлению как к новой опасности.

Терапевтический результат зависит от осознания того, что вытеснено, в широком смысле слова, в Ид. Мы подготавливаем путь этому осознанию интерпретациями и конструкциями²⁰, но мы интерпретируем только для себя, а не для пациента, до тех пор, пока Эго держится за свои прежние защиты и не отказывается от сопротивлений. Причем эти сопротивления, хотя они и принадлежат Эго, тем не менее бессознательны и в определенном смысле существуют отдельно внутри Эго. Аналитик узнает их более легко, чем спрятанный материал Ид. Можно предположить, что было бы достаточно отнестись к ним так же, как к частям Ид, и, делая их осознанными, привести их к соединению с остальным Эго. Таким способом, как мы можем предположить, половина задачи анализа будет выполнена; и мы не должны ожидать встречи с сопротивлением раскрытию сопротивлений. Но именно это и происходит. Во время работы над сопротивлением Эго уклоняется (с большей или меньшей серьезностью) от соблюдения соглашений, на которых основана аналитическая ситуация. Эго перестает поддерживать наши усилия по раскрытию Ид; оно противостоит им, не подчиняется основному правилу анализа и препятствует выходу дальнейших производных вытесненного на поверхность. Мы не ожидаем, что у пациента есть сильная убежденность в лечебной силе анализа. Он может иметь некоторую веру в аналитика, которая может быть эффективно подкреплена фактором возникшего у него позитивного переноса. Под влиянием неприятных импульсов, которые он ощущает как последствия новой активизации его защитных конфликтов, негативный перенос может взять верх и полностью

²⁰ [См. Фрейд «Конструкции в анализе» (1937).]

перечеркнуть аналитическую ситуацию. Пациент теперь начинает относиться к аналитику просто как к чужаку, предъявляющему к нему неправомерные требования, и ведет себя по отношению к аналитику точно ребенок, который не любит чужих и не верит тому, что они говорят. Если аналитик пытается объяснить пациенту одно из искажений, которые тот делает в защитных целях, и скорректировать его, он обнаруживает, что пациент не понимает его и не доступен словесной аргументации. Таким образом, мы видим, что *существует* сопротивление раскрытию сопротивлений, и защитные механизмы действительно заслуживают своего названия, данного им нами первоначально, до их более подробного изучения. Они являются сопротивлениями не только осознанию содержания Ид, но и анализу в целом, и, следовательно, излечению.

Результат, который возникает в Эго благодаря защита, может быть правильно описан как «искажения Эго», если под этим мы понимаем искажения вымышленного нормального Эго, которое гарантирует неколебимую преданность аналитической работе. Поэтому легко принять тот факт, который подтверждается повседневным опытом, что исход аналитического лечения в основном зависит от силы и глубины тех сопротивлений, которые создают искажения Эго. Снова мы сталкиваемся с важностью количественного фактора, и снова мы получаем напоминание о том, что анализ может рассчитывать только на определенный и ограниченный успех в противостоянии враждебным силам. Возникает впечатление, что этот успех, как военная победа, зависит обычно от того, на чьей стороне больше войск.

VI

Следующий вопрос, к которому мы переходим, – всякое ли искажение Эго (в нашем смысле этого слова) приобретается в защитной борьбе в раннем детстве. Не может быть сомнений в ответе. У нас нет никаких оснований отрицать существование и важность первоначальных, врожденных отличительных особенностей Эго. Это несомненно по той единственной причине, что каждый человек делает выбор из возможных механизмов защиты, что он всегда использует только несколько из них и всегда одни и те же (см. выше). Это, по-видимому, означает, что каждое Эго с самого начала наделено индивидуальными предрасположениями и склонностями, хотя мы и не можем точно определить их природу или то, что их обуславливает. Более того, мы знаем, что нельзя преувеличивать различия между унаследованными и приобретенными особенностями до степени противопоставления; то, что было приобретено нашими праотцами, безусловно, составляет важную часть того, что мы наследуем. Когда мы говорим об «архаическом наследстве»²¹, мы обычно думаем только об Ид и, вероятно, признаем, что в начале жизни индивида никакого Эго еще не существует. Но мы не должны забывать о том факте, что Эго и Ид первоначально составляют одно целое; нет никакой

²¹ [См. Примечание редактора к части 1 третьего очерка в «Моисее и единобожии» (1939a), с.102 сверху.]

мистической переоценки наследственности в признании возможности того, что еще до возникновения Эго линии его развития, склонности и реакции, которые оно впоследствии проявит, уже заложены. Психологические особенности семей, рас и наций, даже в их отношении к анализу, не оставляют никакого другого объяснения. Более того: аналитический опыт заставляет нас убедиться, что даже конкретное психическое содержание, такое, как символика, не имеет других источников передачи, кроме наследования, и исследования в разных областях социальной антропологии позволяют предположить, что другие, столь же специфические отложения, оставленные ранним развитием человека, также присутствуют в архаическом наследии.

С признанием того, что свойства Эго, с которыми мы сталкиваемся в теории сопротивлений, могут так же хорошо объясняться наследственностью, как и приобретенностью в защитных схватках, топографическое разделение между тем, что есть Эго, и тем, что есть Ид, теряет большую часть своей ценности для исследования. Если мы сделаем следующий шаг в нашем аналитическом опыте, то подойдем к сопротивлениям другого типа, которые мы больше не можем локализовать, и которые, по-видимому, зависят от основных условий, существующих в психическом аппарате. Я могу только привести несколько примеров сопротивлений такого типа; вся эта область исследования незнакома и недостаточно изучена. Мы встречаемся, например, с людьми, которым нам приходится приписать особую «прилипчивость либидо»²². Процессы, которые в них приводятся в движение лечением, намного медленнее, чем у других людей, потому что, по-видимому, они не могут приспособить свой ум к освобождению от либидозного катексиса к одному объекту и перенести его на другой, хотя мы и не можем обнаружить какой-то особой причины для этой катектической преданности. Можно встретить и других людей, у которых либидо особенно подвижно; оно охотно входит в новые катексисы, предлагаемые анализом, отказываясь при этом от прежних. Различие между двумя этими типами можно сравнить с тем, которое чувствует скульптор, работая с твердым камнем или мягкой глиной. К несчастью, у второго типа результаты анализа часто оказываются очень недолговечными: новые катексисы снова оставляются, и у нас возникает впечатление, что мы работаем не с глиной, а пишем на воде. Как говорится в пословице: «Легко пришло, легко ушло»²³.

В другой группе случаев мы удивляемся той установке наших пациентов, которую можно приписать только истощению пластичности, способности к изменениям и дальнейшему развитию, которых мы обычно ожидаем. Мы, правда, готовы обнаружить при анализе определенное

²² [Этот термин появляется в XXII лекции «Лекций по ведению...» (1916-17), Standard Ed.; 16, 348. Эта характеристика и более общая психическая инерция, обсуждаемая ниже, обычно не рассматриваются по отдельности в ранних работах Фрейда. Список номеров параграфов, в которых затрагиваются эти вопросы, дан в примечании редактора к «Случаю паранойи» (1915f), Standard Ed., 14, 272.]

²³ [«Wie gewonnen, so zewonnen.»]

количество психической инерции²⁴. Когда аналитическая работа открывает новые пути для инстинктивных импульсов, мы практически всегда наблюдаем, что импульсы не пускаются по этим путям без заметных колебаний. Мы назвали это поведение, возможно, не совсем правильно, «сопротивлением со стороны Ид»²⁵. Но у тех пациентов, которых я сейчас имею в виду, все психические процессы, отношения и распределения сил неизменны, фиксированы и ригидны. То же самое можно обнаружить и у очень старых людей, и в этом случае ригидность объясняется силой привычки или истощением восприимчивости – своего рода психической энтропией²⁶. Но здесь мы имеем дело с людьми, которые еще молоды. Наши теоретические знания не являются адекватными для того, чтобы дать правильное объяснение этого типа. Возможно, речь идет о каких-то временных характеристиках – некоторых отклонениях в ритме развития психической жизни, которых мы пока еще не оценили.

Еще в одной группе случаев особые характеристики Эго, которые являются источниками сопротивления аналитическому лечению и препятствуют терапевтическому успеху, могут иметь другие, более грубые корни. Здесь мы имеем дело с теми предельными вопросами, которые может изучать психологическое исследование: поведение двух первичных инстинктов, их распределение, смешение и разделение – это вопросы, которые не относятся к какой-то одной части психического аппарата – Ид, Эго или Супер-Эго. Самое сильное впечатление от сопротивлений в аналитической работе возникает оттого, что есть сила, защищающая себя всеми доступными средствами от выздоровления, сила, которая с непоколебимой твердостью поддерживает болезнь и страдания. Одна часть этой силы была несомненно опознана нами как чувство вины и потребность в наказании и локализована во взаимоотношениях Эго и Супер-Эго. Но это только ее часть, которая психически привязана к Супер-Эго и поэтому становится опознаваемой; другие части этой силы, связанные или свободные, могут работать в других, неизвестных нам сферах. Если мы рассмотрим общую картину феноменов мазохизма, присущего столь многим людям, негативной терапевтической реакции и чувства вины, которые есть у столь многих невротиков, мы уже не сможем быть привержены тому убеждению, что психические события управляются исключительно стремлением к удовольствию. Эти феномены безошибочно указывают на присутствие в психической жизни силы, которую мы называем инстинктом агрессии или разрушения, в зависимости от ее целей, и которую мы прослеживаем вплоть до исходного инстинкта смерти живой материи. Это не вопрос противоположности между оптимистической и пессимистической теориями жизни. Только сотрудничеством и соперничеством²⁷ двух

²⁴ [См. примечание ⁴⁵]

²⁵ [См. Приложение А(а) к «Запретам, симптомам и тревоге» (1926d), Standard Ed., 20, 160.]

²⁶ [Та же аналогия возникает в разделе случая «Человека-волка» (1918b) при описании тех же психологических характеристик. Standard Ed., 17, 116.]

²⁷ [Эта фраза была любимой у Фрейда. Ее можно найти, например, в первом параграфе «Толкования

первичных инстинктов – Эроса и инстинкта смерти, никогда не действующих поодиночке, мы можем объяснить богатство и разнообразие явлений жизни.

Как сочетаются части двух этих типов инстинктов, чтобы исполнить различные жизненные функции, в каких условиях эти сочетания ослабевают или нарушаются, каким нарушениям соответствуют эти изменения и какими чувствами отвечает на них перцептивная шкала принципа удовольствия – все это проблемы, освещение которых было бы наиболее важным достижением психологического исследования. На мгновение мы должны склониться перед силами, против которых наши усилия тщетны. Даже оказание психического воздействия на обычный мазохизм становится тяжким испытанием для наших сил.

При изучении феноменов, свидетельствующих об активности деструктивных инстинктов, мы не привязаны к наблюдениям над патологическим материалом. Многочисленные факты нормальной психической жизни требуют объяснения такого рода, и чем острее наш взгляд, тем сильнее они поражают нас. Этот предмет слишком нов и слишком важен для меня, чтобы я мог относиться к нему как к побочному в этом обсуждении. Поэтому я приведу несколько примеров.

Вот один из них. Хорошо известно, что всегда были и сейчас есть люди, которые в качестве сексуальных объектов используют людей как своего, так и противоположного пола, притом одна склонность не мешает другой. Мы называем таких людей бисексуалами и принимаем их существование без особого удивления. Однако мы знаем, что каждый человек является бисексуальным в том смысле, что его либидо распределено в явной или скрытой форме на объектах обоего пола. Но нас поражает следующий факт. В то время как в первой группе людей эти две склонности мирно сосуществуют, во второй и более многочисленной группе они находятся в состоянии неразрешимого конфликта. Гетеросексуальность человека не совмещается с его гомосексуальностью и *наоборот*. Если первая сильнее, то она удерживает вторую в латентном состоянии и отстраняет ее от удовлетворения в реальности. С другой стороны, нет большей опасности для гетеросексуальной функции человека, чем если она нарушается его латентной гомосексуальностью. Мы можем попытаться объяснить это, сказав, что каждый индивид имеет в своем распоряжении только определенную меру либидо, за которую должны бороться две соперничающие склонности. Но непонятно, почему соперники не всегда делят имеющуюся меру либидо между собой согласно их относительной силе, как они это делают в ряде случаев. Мы вынуждены заключить, что тенденция к конфликту – это нечто особенное, нечто, заново добавленное к ситуации и не зависящее от количества либидо. Независимо возникающая тенденция к конфликту такого рода едва ли может быть приписана чему-либо, кроме свободной

сновидений» (1900a), Standard Ed., 4, 1. Его любовь к ней отражает его преданность «фундаментально дуалистической точке зрения». См. «Я и Оно» (1923b), *ibid.*, 19, 46 и p.246 ниже.]

агрессивности.

Если мы определяем обсуждаемый нами случай как проявление агрессивного или разрушительного инстинкта, сразу же возникает вопрос, можно ли распространить этот взгляд на другие случаи конфликтов, и, следовательно, не должно ли все, что мы знаем о психическом конфликте, быть пересмотрено с этой новой точки зрения. Более того, мы признаем, что в ходе человеческого развития от примитивного до цивилизованного состояния агрессивность была в значительной степени интернализирована или обращена вовнутрь; если это так, то внутренние конфликты человека, несомненно, являются точными эквивалентами внешних схваток, которые затем прекратились. Я хорошо осознаю, что эта дуалистическая теория, согласно которой инстинкт смерти, разрушения или агрессии заявляет о себе как равный партнер Эроса, представленного в виде либидо, находит мало сочувствия и в действительности не принята даже среди психоаналитиков. Тем больше удовольствия я испытал, когда недавно наткнулся на эту мою теорию в трудах одного из величайших мыслителей Древней Греции. Я полностью готов отказаться от приоритета новизны в пользу такого подтверждения, особенно потому, что я не могу быть уверен, ввиду обширности прочитанного мной в прошлом, не принял ли я за новое то, что могло быть результатом криптомнезии²⁸.

Эмпедокл из Акрага (Джирдженти)²⁹ родился около 495 года до Р.Х. и был одной из крупнейших и наиболее примечательных фигур в истории греческой цивилизации. Деятельность его многосторонней личности простиралась во многих направлениях. Он был исследователем и мыслителем, прорицателем и магом, политиком, филантропом и врачом, знавшим естественные науки. Говорят, что он освободил город Селинунту от малярии, и его современники почитали его как бога. Его ум, казалось, соединял самые острые противоположности. Он был точен и трезв в своих физических и физиологических исследованиях, но не уклонялся и от мистических тайн и строил космические спекуляции, поражающие воображение своей смелостью. Капелле сравнивает его с доктором Фаустом, «которому было открыто много секретов»³⁰. Он родился тогда, когда царство науки еще не было разделено на многочисленные области, и многие его теории поражают нас своей примитивностью. Он объяснял многообразие вещей смешением четырех элементов: земли, воздуха, огня и воды. Он считал, что вся природа одушевлена, и верил в переселение душ. Но он также включал в свои теоретические знания такие современные идеи, как постепенная эволюция живых существ, выживание наиболее приспособленных и признание роли, играемой случайностью (τύχη) в этой эволюции.

²⁸ [См. некоторые замечания по этому вопросу в статье Фрейда об Иосифе Поппере-Линкеусе (1923f), Standard Ed.; 19, 261 и 263n.]

²⁹ То, что я пишу дальше, основано на работе Вильгельма Капелле (1935). [Сицилийский город, более известный как Агригентум.]

³⁰ [«Dem gar manch Geheimnis wurde kund». Перефразированная строчка из первого монолога Фауста, Гете, часть 1, сцена 1.]

Но особенно привлекает наш интерес та теория Эмпедокла, которая настолько приближается к психоаналитической теории инстинктов, что у нас возникает искушение сказать, что они идентичны, если не брать в расчет того различия, что теория греческого философа – это космическая фантазия, в то время как наша претендует на то, чтобы быть биологически достоверной. В то же время тот факт, что Эмпедокл приписывает вселенной ту же одушевленную природу, что и индивидуальному организму, делает это различие несущественным.

Эмпедокл учит, что два принципа правят событиями жизни во вселенной и психической жизнью, и эти два принципа находятся в постоянной войне друг с другом. Он называет их *φιλία* (любовь) и *νεῖχος* (борьба). Из этих двух сил (которые он понимает как в основе своей «естественные силы, действующие как инстинкты, но ни в коем случае не как умы, действующие с сознательными целями»³¹) одна старается соединить первичные частицы четырех элементов в единое целое, тогда как другая, наоборот, пытается разрушить все эти сочетания и отделить первичные частицы элементов друг от друга. Эмпедокл понимает процесс, идущий во вселенной, как постоянную, нескончаемую смену периодов, во время которых верх одерживает одна из этих основных сил, так что временами любовь, временами борьба полностью достигают своих целей и доминируют во вселенной, после чего другая, покоренная сторона, утверждает себя и, в свою очередь, побеждает своего противника.

Два основных принципа Эмпедокла – *φιλία* и *νεῖχος* – по названиям и функциям соответствуют двум нашим первичным инстинктам, *Эросу* и *деструктивности*, первый из которых стремится соединить все существующее в еще большее единство, в то время как второй стремится разделить эти соединения и разрушить выросшее из них. Неудивительно, правда, что после своего открытия заново, два с половиной тысячелетия спустя, эта теория в чем-то отличается от первоначальной. Помимо того, что сейчас мы ограничены биофизической областью, мы также больше не используем в качестве исходных субстанций четыре элемента Эмпедокла; живое четко дифференцируется от неживого, и мы уже думаем не о соединении и разъединении частиц вещества, а о слиянии и разделении инстинктивных компонентов. Более того, мы обеспечиваем принцип «борьбы» некой биологической основой, прослеживая наш инстинкт разрушения к инстинкту смерти, к побуждению всего живого вернуться в неживое состояние. Это не значит, что мы отрицаем, что аналогичный инстинкт³² уже существовал раньше, и, конечно, не утверждаем, что инстинкт такого рода возник только с возникновением жизни. Никто не сможет предсказать, в каком облике ядро правды, содержащееся в теории Эмпедокла, предстанет в дальнейшем³³.

³¹ Капелле (1935), с.186.

³² [Т.е. аналогичный инстинкту смерти.]

³³ [Эмпедокл еще раз упоминается Фрейдом в сноске к Главе II изданных после его смерти «Набросков Психо-Анализа» (1940а [1938]), с.149, сверху. Фрейд дает еще несколько замечаний о деструктивном инстинкте в письме, написанном вскоре после этой статьи принцессе Марии Бонапарт. Выдержка из него появляется в Предисловии

VII

В 1927г. Ференци написал дидактическую работу по проблемам завершения анализа³⁴. Она заканчивалась успокаивающим заверением, что «анализ – не бесконечный процесс, он может быть приведен к естественному окончанию при достаточном умении и терпении аналитика»³⁵. Однако в целом работа кажется мне чем-то вроде предупреждения не сокращать анализ, а, скорее, углублять его. Ференци подчеркивает следующий важный пункт: успех зависит во многом от того, насколько хорошо аналитик учел свои «ошибки и оплошности» и лучше узнал «слабые пункты своей собственной личности»³⁶. Это придает нашей теме важное дополнение. Среди факторов, которые влияют на перспективы аналитического лечения и вносят вклад в его затруднения и сопротивления, следует упомянуть не только природу Эго пациента, но и индивидуальность аналитика.

Не подлежит обсуждению, что аналитики как личности не так уж бесспорно соответствуют стандартам психической нормальности, к которым они хотят привести своих пациентов. Противники анализа часто указывают на этот факт с укоризной и используют его как аргумент для доказательства бесполезности аналитических занятий. Мы можем отвергнуть эту критику как выставляющую неоправданные требования. Аналитики – это люди, выучившиеся практиковать определенное искусство; наряду с этим они остаются такими же людьми, как и все. Кроме того, никто не утверждает, что врач не способен лечить внутренние болезни, если его собственные внутренние органы не в порядке; наоборот, можно возразить, что есть определенные преимущества у человека, самого страдающего туберкулезом и специализирующегося на лечении людей, страдающих от этого недуга. Но эти примеры не совсем подходят. До тех пор, пока он вообще способен практиковать, доктор, страдающий от легочного или сердечного заболевания, не испытывает затруднений в установке диагноза и лечении внутренних заболеваний; в то время как особые условия аналитической работы приводят к тому, что дефекты аналитика становятся помехой для вынесения правильных суждений о состоянии пациента и правильной реакцией на них. Поэтому от аналитика обоснованно ожидают достаточной степени психической нормальности и упорядоченности как элемента его квалификации. В дополнение к этому он должен обладать каким-то превосходством, чтобы в определенных аналитических ситуациях выступать как пример для пациента, а в других – как учитель. И, наконец, мы не должны забывать, что психоаналитические взаимоотношения основаны на любви к истине – то есть на признании реальности – и это исключает любой вид

редактора к «Дивиллизации и ее недостаткам» (1930a), Standard Ed., 21, 63.]

³⁴ [Это был доклад на Инсбрукском психоаналитическом конгрессе в 1927 году. Он был опубликован в следующем году.]

³⁵ [Ferenczi, 1928; Англ. перевод, 1955, 86.]

³⁶ [Ferenczi, loc.cit.]

притворства или обмана.

Здесь позвольте нам на мгновение прерваться, чтобы уверить аналитика, что он пользуется нашим искренним сочувствием в тех суровых требованиях, которым он должен удовлетворять, чтобы осуществлять свою деятельность. Анализ выглядит почти как третья «невозможная» профессия, в которой можно быть заранее уверенным в достижении неудовлетворительных результатов. Другие две, известные гораздо дольше, – это образование и управление³⁷. Очевидно, мы не можем требовать, чтобы будущий аналитик стал совершенным существом прежде, чем он возьмется за анализ, другими словами, мы не требуем, чтобы только люди такого высокого и редкого совершенства занимались этой профессией. Но где же и как тогда этот бедняга приобретет идеальную квалификацию, которая потребуется ему в его профессии? Ответ: в собственном анализе, с которого начинается его приготовление к будущей деятельности. По практическим резонам этот анализ может быть только коротким и незавершенным. Главная его задача состоит в том, чтобы позволить его учителю вынести суждение, можно ли принять этого кандидата для дальнейшего обучения. Он выполняет свою роль, если дает учащемуся твердое убеждение в существовании бессознательного, если позволяет ему, когда всплывает вытесненный материал, воспринимать в себе такое, что иначе показалось бы ему невероятным, и если он показывает ему первые образцы техники, которая является единственно эффективной в аналитической работе. Только этого недостаточно для обучения; но мы рассчитываем на то, что стимулы, которые он получит в собственном анализе, не исчезнут с его окончанием, а также на процессы преобразования Эго, продолжающиеся спонтанно в проанализированном человеке и позволяющие использовать весь последующий опыт этим новоприобретенным способом. Это на самом деле случается, и коль скоро это случается, это делает проанализированного субъекта квалифицированным в том, чтобы самому быть аналитиком.

К несчастью, случается и нечто другое. Пытаясь это описать, можно положиться только на впечатление. Враждебность, с одной стороны, и пристрастность, с другой, создают атмосферу, неблагоприятную для объективного исследования. Кажется, что ряд аналитиков учится использовать защитные механизмы, которые позволяют им отводить выводы и требования анализа от себя (по-видимому, направляя их на других людей), так что сами они остаются такими, как были, и способны избегать критического и корректирующего воздействия анализа. Это подтверждает слова писателя, предупреждающего нас, что если человек обладает властью, ему трудно не злоупотребить ею³⁸. Иногда, когда мы пытаемся это понять, нам приходит в голову неприятная аналогия с действием рентгеновских лучей на людей, которые работают с ними без

³⁷ [См. сходный пассаж в обзоре Фрейдом «Своенравной молодости» Айшхорна (Freud, 1925f). Standard Ed., 19, 273.]

³⁸ Анатолий Франс. «La revolte des anges».

специальных предосторожностей. Будет неудивительно, если действие постоянных занятий с вытесненным материалом, борющимся за свободу в психике человека, возбудит и в самом анализе все инстинктивные потребности, которые он в ином случае держал бы под контролем. Это также «опасности анализа», хотя они угрожают не пассивному, а активному участнику аналитической ситуации; и мы должны не пренебрегать ими, а уделять им внимание. В этом вопросе не должно быть сомнений. Каждый аналитик должен периодически – с интервалом в пять лет или около того – подвергаться новому анализу, не чувствуя в этом ничего постыдного. Это будет означать тогда, что не только терапевтический анализ пациентов, но и его собственный анализ превратится из конечной в бесконечную задачу.

Однако здесь мы должны предостеречь от неверного понимания. Я не утверждаю, что анализ – совершенно бесконечное занятие. Какими бы ни были терапевтические воззрения на этот вопрос, окончание анализа, как я полагаю, – вопрос практический. Любой опытный аналитик способен вспомнить ряд случаев, в которых он навсегда распрощался с пациентом, так как *rebus bene gestis*³⁹. В случаях того, что известно как анализ характера, зазор между теорией и практикой гораздо меньше. Здесь нелегко предположить естественное окончание, даже если избегать любых преувеличенных ожиданий и не ставить перед анализом чрезмерных задач. Наша задача состоит не в том, чтобы стереть все особенности человеческого характера во имя схематичной «нормальности», и не в том, чтобы требовать, чтобы человек, который был «тщательно проанализирован», не чувствовал страстей и не переживал внутренних конфликтов. Дело анализа – обеспечить наилучшие из возможных психологических условий для функционирования Эго; на этом его задача заканчивается.

VIII

И в терапевтическом анализе, и в анализе характера мы замечаем, что особенное значение приобретают две темы, которые доставляют аналитику особенно много беспокойства. Скоро становится очевидным, что здесь работает некий общий принцип. Эти две темы связаны с различием между полами; одна из них характерна для мужчин, другая – для женщин. Несмотря на различия содержания, есть очевидное соответствие между ними. Что-то, что есть общего у обоих полов, вынужденно выливается, благодаря разнице между полами, в разные формы выражения.

Эти две темы, соответственно, у женщин: *зависть к пенису* – положительное стремление к обладанию мужскими гениталиями, а у мужчин: борьба против своего пассивного или женственного отношения к другим мужчинам. То, что есть общего у этих двух тем, было давно выделено в психоаналитической номенклатуре как отношение к

³⁹ [«Дела пошли хорошо.»]

комплексу кастрации. Впоследствии Альфред Адлер ввел в обиход термин «мужской протест». Он полностью подходит к случаям мужчин; но я думаю, что с самого начала «отрицание женственности» было более правильным описанием этой замечательной черты психической жизни человека.

Пытаясь ввести этот фактор в структуру нашей теории, мы не должны пренебречь тем, что он не может по самой своей природе занимать то же самое положение у обоих полов. У мужчин стремление быть мужественными полностью Эго-синтонно с самого начала; пассивная установка, поскольку она подразумевает принятие кастрации, энергично вытесняется, и часто ее присутствие опознается только благодаря чрезмерной сверхкомпенсации. У женщин также стремление быть мужественными в определенный период Эго-синтонно, а именно в фаллической фазе, перед тем, как начинается развитие женственности. Но затем оно уступает важному процессу вытеснения, исход которого, как уже много раз было показано, определяет судьбы женственности у женщины⁴⁰. Многое зависит от того, насколько комплекс мужественности у нее избегнет вытеснения и окажет постоянное влияние на ее характер. В норме значительные части этого комплекса преобразуются и вносят вклад в создание ее женственности: успокоившееся желание пениса превращается в желание ребенка и мужа, который обладает пенисом. Странно, однако, насколько часто мы обнаруживаем, что желание мужественности остается бессознательным и из этого вытесненного состояния оказывает нарушающее влияние.

Как можно увидеть из сказанного мной, в обоих случаях вытеснению подвергается установка, соответствующая противоположному полу. Я уже высказывался в другом месте⁴¹, что мое внимание к этому привлек Вильгельм Флисс. Флисс был склонен считать противоположность между полами истинной причиной и первичной мотивирующей силой вытеснения. Я только повторяю то, что я сказал тогда, споря с его взглядом, когда я отказался сексуализировать вытеснение таким образом – т.е. объяснять его на биологической основе, а не на чисто психологической.

Огромное значение этих двух тем – у женщин желания пениса, а у мужчин борьбы против пассивности – не избежало замечания Ференци. В докладе, прочитанном им в 1927г., он выставил требование, чтобы в каждом успешном анализе два этих комплекса были проработаны⁴². Я хотел бы добавить, что, исходя из моего собственного опыта, я думаю, что в этом Ференци требовал слишком многого. Ни в какой другой момент

⁴⁰ [См., например, «Женскую сексуальность» (1931b), Standard Ed.; 21, 229f.

⁴¹ «Ребенка бьют» (1919e), Standard Ed., 17, 200ff. [В действительности, Флисс не назван по имени в этой статье].

⁴² «...Каждый пациент-мужчина должен приобрести ощущение равенства в своих отношениях с врачом как знак того, что он преодолел свой страх кастрации; каждая женщина, если ее невроз полностью прошел, должна избавиться от комплекса мужественности и эмоционально принять без признака сожаления все последствия своей женской роли» (Ferenczi, 1928, 8 [Англ. перевод, с.84]).

аналитической работы мы не страдаем в такой степени от тяжелого чувства, что все наши повторяющиеся усилия тщетны, и от подозрения, что мы «мечем бисер перед свиньями», чем когда мы пытаемся убедить женщину отказаться от ее желания пениса по причине его нереализуемости, или стараемся убедить мужчину, что пассивная установка к мужчинам не всегда означает кастрацию и что она неизбежна во многих жизненных отношениях. Бунтарская сверхкомпенсация мужчины вызывает одно из сильнейших сопротивлений переносу. Он отказывается подчинить себя заменителю отца или чувствует себя должником перед ним за что-то и в результате отказывается принять от врача свое выздоровление. Нет аналогичного переноса, который возник бы из женского желания пениса, но это желание является у женщины источником тяжелых приступов депрессии, благодаря внутренней убежденности, что анализ не принесет пользы и ничего нельзя сделать, чтобы помочь ей. И мы можем только согласиться, что она права, когда узнаем, что самым сильным ее мотивом прихода в лечение является надежда, что, в конце концов, она сможет приобрести мужской орган, отсутствие которого было так болезненно для нее.

Но мы также узнаем из этого, что неважно, в какой форме возникает сопротивление, в форме переноса или нет. Главным остается то, что сопротивление препятствует возникновению изменений – все остается так, как было. У нас часто возникает впечатление, что с желанием пениса и мужским протестом мы проникаем сквозь все психологические уровни и достигаем основания, и на этом наша деятельность завершается. По-видимому, это так, поскольку для области психики область биологии, действительно, играет роль основания. Отрицание женственности может быть не чем иным, как биологическим фактом, частью великой борьбы полов⁴³. Трудно сказать, удастся ли нам вообще и, если удастся, то когда, добиться успеха в овладении этими факторами в аналитическом лечении. Мы можем только утешать себя тем, что мы, несомненно, обеспечиваем анализируемому нами человеку любое возможное содействие в пересмотре и изменении своего отношения к этим проблемам.

Перевод А. Ф. Ускова

⁴³ Мы не должны быть введены в заблуждение термином «мужской протест», предполагая, что то, что отрицает мужчина, – это его пассивная установка [как таковая] – то, что можно назвать социальным аспектом женственности. Такой взгляд противоречит легко проверяемому наблюдению, а именно, что такие мужчины часто обнаруживают мазохистскую установку – состояние, достигающее уровня рабства, – по отношению к женщинам. То, что они отрицают, не пассивность в целом, а пассивность к мужчинам. Другими словами, мужской протест – это не что иное, как кастрационная тревога. [Состояние сексуального рабства у мужчин упоминается Фрейдом в его статье «Габу девственности» (1918a), Standard Ed., 11, 194.]